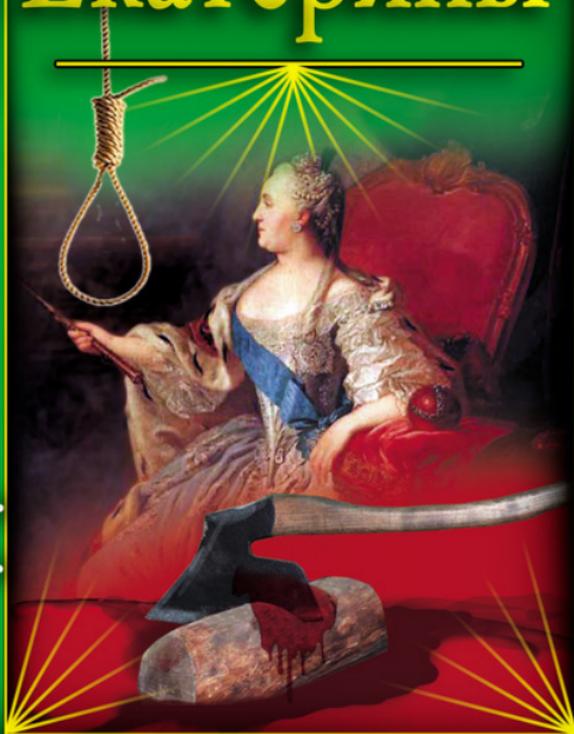

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Правда о
«ЗОЛОТОМ
веке»
Екатерины

Андрей Михайлович Буровский
Правда о «золотом
веке» Екатерины
Серия «Вся правда о России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4939999

*Правда о «золотом веке» Екатерины / Андрей Буровский. : Яуза, Эксмо;
Москва; 2010*

ISBN 978-5-699-41175-7

Аннотация

Ее величают «премудрой матерью отечества» и Екатериной Великой. Ее царствование прославляют как «золотой век» Российской империи.

Еще со школьной скамьи нам внушают, что в годы ее правления произошел невиданный взлет русской государственности, настала эпоха высшего политического и экономического расцвета России.

Но что скрывается за блестящим фасадом екатерининских реформ и государственных преобразований? Стоит лишь присмотреться повнимательней – и в глаза бросается вопиющее беззаконие и предательство, низость и разврат, убийства и подлог важнейших государственных документов. На самом деле «золотой век» Екатерины – эпоха невероятной лжи и

лицемерия, время крайнего бесправия большинства подданных «великой императрицы» – десятков миллионов крепостных крестьян. Именно при Екатерине нация оказалась расколота на привилегированных «русских европейцев» и находившихся у них в фактическом рабстве «русских туземцев». «Золотой век» Екатерины изувечил судьбы и души, окончательно развратил «эли́ту» империи, сломал историю страны...

Содержание

Провалившийся эксперимент	5
Часть I На развилке истории	14
Глава 1 Цареньш	14
Посажение на трон	19
На престоле	23
Возвращение бабушки	46
Отказ от наследия бабушки	51
Приватизированный император	59
Гарантии... для кого?	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Михайлович Буровский Правда о «золотом веке» Екатерины

*Всем русским людям XVIII века —
и европейцам и туземцам,
которые не писали друг на друга доносов
и не сотрудничали с Тайной канцелярией.*

*Задумывают революции мудрецы, начинают их
глупцы, а плодами их пользуются подлецы.
Отто фон Бисмарк*

Провалившийся эксперимент (Вместо введения)

28 января 1725 года закрыл глаза царь Петр I, которого еще при жизни одни подданные нарекли земным богом, а другие – Антихристом. После этой смерти Российскую империю трясло несколько десятилетий: буквально от самого часа смерти Петра и до того, как в 1762 году жена его внука, Петра III, убила мужа и сама уселась на престол.

Ведь и правда – период истории Российской империи с 1725 по 1762 год вполне официально назывался «периодом дворцовых переворотов». Так называли его вовсе не только марксистские историки или историки, враждебные какой-то официальной позиции. Ничего подобного! О «периоде дворцовых переворотов» писали и С.М. Соловьев, и В.О. Ключевский, и О. Егер, и некоммунистические историки XX века – сторонник белой гвардии, офицер армии Власова С.Г. Пушкарев, евразиец Г.В. Вернадский, либерал П.Н. Милоков. Термин этот общепризнанный, не вызывающий протестов решительно ни у кого.

То есть долгие 37 лет власть в Российской империи была какая-то ненастоящая, нелегитимная и с невероятной легкостью переходила из рук в руки. Это была какая-то игрушечная власть, потому что, с одной стороны, император был неограниченным монархом и мог делать почти все, что угодно, а с другой стороны, кучка придворных и гвардейцев по своему произволу решала, кто должен быть императором.

Эта непрочная, верхушечная власть не была в силах (а может быть, и не очень стремилась) навести в стране прочный порядок.

Даже в Петербурге в системе управления царил чудовищный бардак, а во многих губерниях вообще не было суда, способного отправлять правосудие. Власть правительства сводилась фактически к сбору налогов, получению рекрутов и к тому, чтобы население не могло взбунтоваться.

Даже рейды войск за налогами, по словам В.О. Ключевского, напоминали набеги татар. Я же позволю себе еще одну аналогию – действия колониальной армии в Индии, Африке, Индонезии... везде, где только существовал колониализм.

А за пределами крупных городов, в стороне от больших дорог, царила почти полная анархия, и были уезды, по которым вообще нельзя было проехать. Никак. Потому что число разбойников в этих уездах превосходило число законопослушных подданных.

Известна цифра, названная П.Н. Милюковым: мол, к 1710 году исчезло 20 % тяглого населения Московии. При этом Павел Николаевич считал, что не все из этих 20 % погибли – по крайней мере, третья часть тех, кого недосчитались, – просто беглые или ушли в разбойники.

Иные разбойничьи шайки контролировали приличные куски территории Российской империи – целые волости и провинции; эти шайки вели неплохое хозяйство, а некоторые атаманы вели в бой сотни и тысячи людей. Известны случаи, когда разбойники брали уездные города и освобождали своих захваченных солдатами товарищей (а часть солдат уходила с ними). В таких случаях утрачивается вообще представление, где тут разбойничьи шайки, а где – повстанческие армии... Грань очень уж зыбкая.

Есть классический анекдот XVIII века про то, что Петр как-то удивился священнику, который получил назначение в отдаленный приход и ехал в свой приход с ружьем за пле-

чами.

– Ведь если ты убьешь кого-то, то не сможешь больше быть священником...

(По традиции, священником не мог быть человек, даже случайно впавший в грех убийства.)

– Но если меня убьют разбойники, то я не буду не только священником, но и человеком, а у меня большая семья.

Дальше в этой «назидательной» истории повествуется, как Петр подивился разумным речам батюшки [1]. Меня же поражает другое: до какой степени разбойники к концу жизни Петра стали обычнейшим бытовым явлением, нормальной частью жизни в империи.

Местных крестьян эти разбойники чаще всего не трогали, ограничиваясь поборами, но всех проезжих грабили неукоснительно, а дворян некоторые из них вообще не выпускали живыми. Как видно, и священники не всегда и не везде были в безопасности.

Если назвать вещи своими именами, то получится – несколько десятилетий правительство Российской империи контролировало только часть своей территории и даже то, что вроде бы подчинялось Петербургу, подчинялось очень относительно.

А что, может быть, хуже всего, общество оказалось без твердых нравственных и идейных ориентиров.

Независимо от того, как мы оцениваем период правления Петра (1689–1725), вполне можно сказать, что период

правления Петра и проведения его «реформ» разделяют два несравненно более благополучных периода русской истории.

До Петра, в «допетровской Руси», существовали некие «правила игры» – законы, традиции, культурные и нравственные нормы, которые были известны всем и признавались всеми сословиями и группами населения. Можно спорить о том, насколько они были плохи или хороши, правильны или неправильны, справедливы или несправедливы. Но эти правила общежития существовали.

Легко проследить, что на протяжении «периода дворцовых переворотов» весь этот бардак постепенно изживался. В 1740-е годы порядка и стабильности стало больше, чем было сразу после смерти Петра, а при Елизавете, в 1750-е годы, больше, чем в 1740-е, при Анне. Причем порядка стало больше и в головах, и в государстве.

Начиная с годов правления Екатерины II тоже сложатся некие общие «правила игры», некие всеобщие и понятные всем законы и обычаи. Общество станет настолько стабильным, что мало изменится с Екатерины II вплоть до времен Александра II, а многое доживет и до XX века. О разумности и справедливости этих правил общежития тоже можно поспорить, но главное – они возникли.

Очень трудно согласиться с русскими историками, которые считали реформы Петра продолжением того движения Руси в сторону Европы, которое шло весь XVII век, начиная со Смутного времени. Дело в том, что весь русский XVII век

шел глубоко естественный процесс – шло изменение и развитие русского общества под влиянием Европы, а вовсе не проведение над Московией каких-то диковинных экспериментов. Изменения шли не столько внешние, формальные, сколько сущностные, изменения самих общественных отношений. И главный вектор изменений был в том, что свободы все прибавлялось и прибавлялось. XVII век, время между 1613 и 1689 годом – это время нарастания свободы.

То, что называется «реформами Петра Великого», совершенно противоположно по смыслу. Цель Петра состояла во все не в европеизации общества, не в приближении общества к тем образцам, которые он мог видеть даже в отсталой и диковатой периферии Европы – в той же Пруссии. Сама идея свободы человека от государства, свободы от насилия или ограничения самой власти государства и монарха предельно чужда Петру, и таких целей он никогда не преследовал. После «реформ Петра» свободы в Российской империи стало несравненно меньше, чем было в Московии до этих реформ.

Цель Петра состояла в том, чтобы взять у Европы ее технические достижения и какие-то внешние формы и при этом осуществить мечту о построении «регулярного государства». Что это за удивительное «регулярное государство», придуманное в кабинетах философов, нам придется поговорить отдельно, а пока скажем кратко – Петр пытался внедрить в России очередную утопию.

Произошло то, что и всегда происходит при попытке осу-

ществить на практике какие-то умозрительные идеи. На бумаге эти идеи могут выглядеть замечательно, но вот беда – пока никому не удавалось сделать в жизни так же чудесно, как на бумаге. А кроме того, для осуществления утопии приходится начинать с разрушения – уничтожать реально существующее, потому что оно мешает построению утопии, сопротивляется и прилагает все усилия, чтобы измениться как можно меньше.

Для того чтобы осуществить утопию, оказывается, необходимо уничтожить любую самостоятельность людей, любое самоуправление, любую независимость от властей. Ведь люди не хотят строить утопию, и если они будут независимы, если они смогут выбирать – строить утопию люди ни в коем случае не будут.

Почему Петра так очаровали идеи регулярного государства – вопрос, который я решаю в другой книге [2]. Но факт остается фактом, – стремясь к созданию «регулярного государства» по проектам Г. Лейбница, Вульфа и других теоретиков, Петр последовательно уничтожал, разрушал то русское общество, которое сложилось после Смутного времени, существовало и развивалось почти весь XVII век.

Последствия были именно таковы, каких следовало ожидать. Мало того, что экономика страны совершенно разрушилась, а население уменьшилось на 20 или даже на 25 %. Взбаламученное, лишенное ориентиров общество, разрушенное государство, подданные которого бегут «в башки-

ры», на окраины страны, или в разбойники, – вот результат его правления.

Невероятный «заворот мозгов», когда, по сути, вся верхушка общества не очень-то понимала, куда вообще надо плыть и каких берегов держаться, – тоже закономерный результат деятельности Петра.

В результате в 1725 году Российская империя оказалась в совершенно удивительном состоянии, и искусственного общества, выдуманного в кабинетах немецких философов, в ней не построили. И того общества, которое существовало до Петра, тоже уже не было. Весь «период дворцовых переворотов» – это попытки нащупать какой-то выход из тупика и выработать новую общественную идеологию и новый способ общежития.

Так каково же было наследие царя, которого подданные частенько кликали Антихристом? И тесно связанный с ним вопрос – почему «на выходе» периода дворцовых переворотов сложилось именно такое состояние общества, какое оформилось при Екатерине II? Случилось ли единственное, что могло случиться с Россией в ту же эпоху, или из бардака, смуты, безобразия могли родиться и другие типы общества, государства с другим строем и другие варианты русской культуры?

Скажу сразу и откровенно, последний вопрос – чистой воды провокация! Потому что в этой книге я обязательно буду расследовать проблему: какие возможности таились в нашей

истории XVIII века и почему выросло именно то, что выросло. Если вам интересно это – за мной, читатель!

Часть I На развилке истории

– Я говорю, у тебя какая-нибудь идея есть? Как отсюда выбираться?

– Что ты, Алешенька!.. Какие уж тут идеи! Это же Юпитер. Я как-то даже и не слышал, чтобы отсюда выбирались.

Л. и Б. Стругацкие

Глава 1 Цареньш

*Все утрястись могло с теченьем времени,
Порядок мог вернуться в русский быт.*

Н. Коржавин

Полудети и дети на троне – особая тема. Их судьбы производят тяжелое впечатление, и не только в российской истории, как нетрудно понять.

...В 476 году по Рождестве Христовом императором Западной Римской империи стал патриций по имени Ромул Август. От империи давно отпала и Британия, и Галлия, и Африка, в самой Италии хозяйничали вестготы, а Рим грабили то готы, то вандалы. Сам титул императора мало что значил, потому что императоров давно уже ставили и сверга-

ли дружины германских наемников, сражавшихся под предводительством своих племенных вождей. Ромул Август с самого избрания Сенатом оказался заперт в городе-крепости Равенне, но и в ней просидел недолго, около полугода. Потом его зарезал вождь племени скиров Одоакр, – германцам наскучило играть в подчинение императору-марионетке.

Регалии императора Западной Римской империи, скипетр и державу, Одоакр отослал в Восточную Римскую империю, в Константинополь, и велено было императору передать на словах, вручая ему скипетр и державу: «Не может быть на небе двух солнц, не может быть двух императоров».

Получается, что Римская империя началась с Ромула Августа, им и закончилась. Последнему императору Римской империи было 17 лет, и в народе его прозвали Августул, что можно перевести как «Августенок» или «Августеньш».

Если он «Августеньш», то как назвать царя Петра Алексеевича, полного тезку своего страшного деда, вступившего на престол Российской империи в 1727 году? Вероятно, царенком или цареньшем – самое точное название. Но этот цареньш, полуробенек на троне, не проживший и 15 лет на белом свете, успел сделать поразительно много.

Его судьба не только заставляет болезненно сжиматься сердце, но и вызывает в памяти другую историю, и тоже из последних лет Великого Рима. Перед битвой на Каталунских полях, стремясь остановить страшных гуннов, военный диктатор Рима Аэций производит смотр войскам. Он идет

вдоль шеренг, в которых стоят греки, германцы разных племен, кельты, иберы, реты, исавры, дикие горцы с Корсики, славяне. И вдруг он видит в строю мальчика лет 16–17, который едва удерживает вертикально тяжелое боевое копье.

– А ты что здесь делаешь?! Ты кто?

– Я римлянин. Я иду воевать за Рим.

– Ха-ха-ха! А ты знаешь, как меня называют?! Последний римлянин! Во всей этой армии только мы с тобой – римляне, уверяю тебя!

История умалчивает о том, вернулся ли мальчик с Катауанских полей, и если да, то как сложилась его судьба.

Но и в мае 1727 года мальчик Петр оказался единственным наследником престола, единственным Романовым, происходящим по прямой линии от Петра Алексеевича и от Алексея Михайловича. Единственный мужчина в семье. Мужчина одиннадцати лет.

Немец по матери, сын Софьи Шарлотты Бланкенбургской-Вольфенбюттельской, он появился на свет как составная часть внешней политики своего деда, в честь которого и назван. Дед хотел связать свою династию как можно большим числом династических связей с немецкими князьями и заставил постылого сына, Алексея, жениться на старательно подобранной ему иностранной невесте.

Круглый сирота – мать умерла вскоре после рождения малыша, отец казнен... вернее, приговорен к смертной казни за «измену», которой никогда не совершал. По официальной

версии «пополудни в 6 часу, будучи под караулом... преставился от жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексической». Так объясняли причину смерти Алексея послам иностранных государств. В Петербурге же сразу заговорили о том, что царевич не выдержал мучений и скончался «от истощения сил». Говорили и о том, что царевичу «отворили жилы». И что Петр собственноручно отрубил ему голову. Никто не верил, что смерть царевича была естественной.

Произошло это уже после того, как 127 членов специальной комиссии дружно проголосовали за смертную казнь Алексея: при том, что в это время даже еще и обвинение не сформулировано! Сама комиссия и формулирует: мол, Алексей «намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска, с разорением всего государства». В дальнейшем именно эту формулу будут использовать для оправдания Петра и осуждения Алексея. Он, мол, вот что хотел учинить! Но все сказанное – полнейшая ложь, ничего подобного о себе Алексей Петрович не рассказывал. Все это от начала до конца – выдумка особой комиссии, созданной Петром специально для суда над сыном.

И Петру, и Алексею, и членам комиссии предельно ясно, что Алексея попросту не в чем обвинить и что он ни в чем не виноват. И во время, и после заседания особой комиссии его продолжают страшно пытаться – авось он сам подскажет,

как «пришить» ему обвинение в государственной измене?! Приговор вынесен 24 июня 1718 года. Но и 25, и 26 июня Алексея опять пытаются; 26 июня – в присутствии Петра. О чем шла речь на этот раз, что сказали друг другу висящий на дыбе сын и стоящий перед ним отец, нам неизвестно.

Конечно же, мы до конца не знаем, что произошло в Петропавловской крепости 26 июня 1718 года, «пополудни в 6 часов». Известно, что в тот же день к вечеру царевич Алексей скончался, и сохранилось письмо Александра Румянцева, где он откровенно похваляется – мол, это он вместе с Ушаковым, Толстым и Бутурлиным задушили царевича подушками. Правда это, или Румянцев захотел похвастаться доверием к нему Петра и выполнением важных поручений, сказать трудно.

Невольно возникает подозрение – а не боялся ли публичной казни Петр? Не боялся ли он того, что может крикнуть с эшафота его «слабодушный» сын? Может быть, была и прямая угроза со стороны Алексея – мы ведь не знаем, о чем говорили Петр и Алексей за несколько часов до удушения сына ближайшими подручными отца.

На следующий день после смерти Алексея Петр принимал поздравления по случаю годовщины Полтавской битвы, потом торжественно обедал и веселился. Перед погребением Алексея он праздновал свои именины и отмечал спуск на воду нового корабля веселым фейерверком. Впрочем, Петр, наверное, и впрямь имел причины радоваться: ведь он сумел

перехитрить уже вроде бы сбежавшего за границу, уже почти спасшегося сына и убить его!

В год, когда дедушка убил его папу, Петру Алексеевичу исполнилось всего три года. В день смерти отца даже и трех лет не исполнилось, потому что родился-то он 10 октября 1715 года, а царевича Алексея убили 26 июня (или он сам скончался от мучений, от тоски, от «истощения сил» или покончил с собой – существует и такая, хотя и плохо обоснованная версия).

Посаждение на трон

Несомненно, Петр Алексеевич уже в 1725 году имел самые прямые, самые бесспорные права на престол. Тогда он на престол не сел, потому что так надо было сгрудившимся около трона выскочкам, и в первую очередь – Меншикову.

И в 1727 году он сел на престол деда и прадеда вовсе не потому, что имел какие-то там права, и тем более не потому, что обладал какими-то прекрасными душевными качествами. Отнюдь нет! Все несравненно проще: Ментиков нашел способ сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы (или, в другой редакции этой же поговорки – чтобы и волки сыты, и шерсти много). Способ был простой – сделать Петра Алексеевича императором, но так, чтобы сам Меншиков на том ничего не проиграл бы, а выиграл. Как?! А очень просто – надо выдать свою дочку за Петра Алексеевича.

Самая младшая дочка Меншикова, правда, на четыре года старше жениха, но тут уж ничего не попишешь – другой нет. И еще при жизни Екатерины I удалось обо всем принципиально договориться: Петр Алексеевич должен жениться на Марии Александровне Меншиковой!

6 мая 1727 года померла Екатерина: очень рано, всего в 45 лет. То ли «матушка-императрица» очень уж излишествовала, поддерживая свои гаснущие силы венгерским вином, то ли за ее ранней смертью кроется еще одно преступление: ведь теперь старая любовница сделала свое дело, и она вполне может уйти.

Во всяком случае, не успел Меншиков заручиться договором о возведении на трон Петра и о женитьбе его на Марии, как 10 апреля Екатерина всерьез заболевает и 6 мая 1727 года очень своевременно умирает, просидев на российском престоле чуть больше двух лет. 7 мая собирается вся императорская семья, члены Верховного тайного совета, Сенат, Синод, генералитет, и в присутствии всех этих лиц читается завещание из 15 пунктов, оставленное Екатериной и скрепленное ее личной подписью: знаменитый «тестament», что и означает по-французски не что иное, как «завещание». Почему нужно было назвать завещание русской царицы по-французски? Давайте спросим у Меншикова!

По «тестamentу» престол передается Петру Алексеевичу. Если он помрет, не имея наследников, на престол должна садиться Анна, старшая дочь Екатерины. Если помрет без на-

следников Анна, престол передается второй дочери, Елизавете.

Оговаривается, что наследники мужского пола имеют преимущество перед наследниками женского и что на престол не должен сесть тот, кто не исповедует православия.

Напомню, что петровский Указ о престолонаследии предусматривал: каждый император должен выбирать себе преемника! «Тестамент» Екатерины I по существу отменил закон Петра I о престолонаследии, но зато был удобен для всех и не мешал никому.

Он предусматривал интересы и старой знати, которая хотела видеть на престоле Петра Алексеевича. Решение, принятое 7 мая, удобно и для выскочек петровского периода, потому что до совершеннолетия Петра править он должен, только сообразуясь с мнением Верховного тайного совета. И вообще Верховный тайный совет правит до его совершеннолетия, и все голоса императорской фамилии и «верховников» равны при решении важных вопросов... Чем особенно доволен Меншиков – ведь Верховный тайный совет он пока прочно держит в кулаке... Не обижена Екатерина – признается право ее дочерей на престол.

Назовем вещи своими именами – действие, совершенное 7 мая 1727 года, меньше всего напоминает собрание высших государственных людей для принятия важных решений. Не говоря ни о чем другом, эти люди сами не знают, каковы законы возглавляемого ими государства (и существуют ли они

вообще?).

Сохранилось официальное письмо кабинет-секретаря Макарова в Москву ее градоначальнику Мусину-Пушкину: «7 мая, в девятом часу утра: по ее императорского величества тестаменту учинено избрание на престол российский новым императором наследственному государю, его высочеству великому князю Петру Алексеевичу».

Трудно представить себе документ более неопределенный, отражающий больший заворот мозгов, чем это письмо. С одной стороны, государь не какой-нибудь, а наследственный... С другой стороны, ему, наследственному, «учинено избрание». А если бы не было учинено? Что, тогда он был бы ненаследственный?! А кроме всего прочего, избрание учинено не как-нибудь, а по завещанию императрицы. То есть и избирали-то потому, что такова последняя воля императрицы. А если бы была другая воля, тогда что – избрали бы кого-нибудь другого (например, самого Макарова)?!

Письмо это очень ярко отражает состояние умов сановников Российской империи, ее высшего управленческого звена: они сами не знают, на каком основании то или иное лицо становится императором или императрицей.

Больше всего тут аналогий с тайным собранием ведущих мафиози США в маленьком зале банка, столь блестяще описанным Марио Пьюзо [30. С. 291]. Собрались люди, вынужденные учитывать интересы друг друга, но не знающие ни традиции, ни закона, кроме пресловутого «воровского зако-

на» разве что. Принимается решение, учитывающее баланс сил этих людей, и без всякого учета бездействующего закона.

Чем больше вникаешь во всю эту гадость, тем лучше понимаешь мудрого Якова Брюса, вышедшего в отставку, – от срама подальше.

Но вот что интересно... В народе выбор-наследование-назначение на престол Петра встречено очень одобрительно. Народ не очень-то вникает в способ наследования, но знает совершенно точно – на престоле находится законный монарх. В этом сходятся и простолюдины, и широкие круги дворянства, тут же нарекающие Петра II «вторым императором», и высшая придворная знать, всегда хотевшая видеть на престоле Алексея, а после его смерти – его сына.

По-видимому, эта высшая знать как раз действовала не по собственному произволу, а по неким правилам, пусть и не оформленным письменно, но существующим в головах у абсолютного большинства людей... Договорить ли до конца? Сказать ли, что эта высшая знать выражала мнение народа и сама была глубоко национальной?

На престоле

«Оставить Петра во дворце по одну сторону Невы, а самому жить в своем доме на Васильевском острове было опасно для Меншикова: свой глаз верней всякого другого» – так объясняет С.М. Соловьев действия Меншикова. Дело в том,

что Меншиков сразу же после действия 7 мая перевозит Петра в свой дворец на Васильевский остров и старается ни на секунду не оставлять его одного. Уже 25 мая торжественно совершается обручение Марии Александровны Меншиковой и Петра Алексеевича. Теперь дочь Меншикова поминали в церквах как великую княжну и нареченную невесту императора. 34 000 рублей из казны полагалось ежегодно на содержание ее особого двора.

В качестве воспитателя к Петру приставлен человек, которого Меншиков имел все основания считать очень преданным себе: Андрей Иванович Остерман. Хитрый вестфальский немец, у которого не было в России ни влиятельных друзей, ни богатства, он вызывал у придворных страх и недоумение уже своим умом, образованностью, деловитостью. От него просто «пахло» «не своим», и при одном виде Остермана у выдвиженцев Петра, «птенцов гнезда Петрова», разливалась желчь. А представители старинных родов тоже не признавали безродного немца не только что «своим», но и человеком, достойным находиться с ними рядом.

Ведь Генрих Иоганн Фридрих Остерман происходил из семьи пастора. Он даже не был дворянином, фи! Да к тому же тянулась за ним какая-то противная история....

«История» состояла в том, что шестнадцатилетний

Генрих Остерман был вынужден прервать занятия в Йенском университете и бежать из Германии в Голландию. Нет, он не грабил на больших дорогах, не растрачивал казенных

денег и никого не убил. Юный Остерман, грубо выражаясь, «сделал ребеночка» дочери одного из своих преподавателей. Причем дочери как раз того профессора, который отметил таланты юного Генриха и приблизил его к себе, стал приглашать в дом.

Для нравов XVIII века характерно, что старшие тут решили все за молодых людей, в смысле, исходно «знали», что им нужно и зачем они все это затеяли. Очень может быть, старшие и приписали роману гораздо более пошлые свойства, чем он того заслуживал. Достоверно известно, что девица вовсе не считала свои отношения с Генрихом Остерманом временным явлением, а видела в них прелюдию к браку. Как относился к ним Генрих, мы, кстати говоря, не знаем – его, собственно, никто и не спрашивал. Но, конечно же, старшие и без его слов «точно знали», что Генрих – развратный тип и совратитель ангелочка (кто кого совращал, нам тоже совершенно неизвестно), и в своих действиях исходили именно из этого. Чтобы «знать все», им вовсе и не нужно было расспрашивать молодых людей или выяснять, что они теперь собираются делать. Отец девушки и благодетель Остермана счел себя лично оскорбленным, посчитал себя и свой дом поруганным, пришел в страшную ярость; Генриху грозило судебное преследование, и он бежал в Голландию, где скоро стал личным секретарем адмирала (и между нами говоря, пирата) Корнелия Крюйса.

Крюйс как раз в это время (1703 год) собирался в Россию

– уж за ним-то тянулся шлейф таких историй, что «история» бедного Генриха просто и в подметки каждой из них не годилась. Там-то уж были и грабежи, и убийства на песке коралловых островков, и abordажы купеческих судов под яркими тропическими созвездиями, и лязг сабель, и пистолетные выстрелы в упор, и сексапильные мулатки, и прочие йо-хо-хо, о которых так весело читать в приключенческой литературе, но сталкиваться с которыми большинство людей почему-то совершенно не любит. Поэтому скрыться подальше от цивилизованного мира с его судами, полицейскими, прокурорами и другими типами, лишёнными чувства романтики и йо-хо-хо, было для Крюйса необходимостью куда более насущной, чем для Остермана бежать из Йены.

Остерман уже знал несколько европейских языков и за два года жизни в России присоединил к ним еще и русский. При чем умел по-русски не только говорить, но читать и писать, что ценилось тогда гораздо больше, – ведь русские писали буквами не латинского, а особого славянского алфавита, и правил правописания почти не существовало.

Петр оценил знания языков Остермана, заявил Крюйсу, что забирает у него секретаря, и приблизил его к себе. Сын пастора Генрих Остерман сделал блестящую дипломатическую и придворную карьеру, стал бароном Остерманом, и Петр даже женил его на своей дальней родственнице, Марфе Ивановне Стрешневой. А царица Прасковья, вдова царя

Ивана¹, как-то на ассамблее стала спрашивать Остермана:

– А зовут-то тебя как, батюшка?

– Генрихом, ваше величество.

– И не выговоришь! А родителя вашего как звали?

– Иоганном.

– Так, стало быть, ты по-нашему Андрей Иванович.

Говорят, Петр очень веселился логике родственницы; тем более ее интеллектуальных возможностей он никогда не преувеличивал. Но для всех в России Остерман стал Андреем Ивановичем и даже стал так подписывать документы.

В Германию уехать он не мог, в России «Андреем Ивановичем» был липовым, от своего сословия давно оторвался, для дворян «своим» никогда не был. Вот Меншиков и был уверен, что никуда Остерману не деться, он просто обречен держаться за Меншикова и быть ему преданным. И А.И. Остерман стал единственным, кому позволялось уединяться с Петром Алексеевичем без контроля самого Меншикова.

Скажем сразу – нет никакого резона изображать Андрея Ивановича рыцарем без страха и упрека. Таким рыцарем он определенно не был, а иногда вел себя совсем не как подобает порядочному человеку (придет время, Меншиков испытает это и на себе).

¹ Царь Иван приходился Петру братом, но родился от первой жены царя Алексея Михайловича, от Марии Нарышкиной. Сам Петр был сыном второй жены, Натальи Нарышкиной. До смерти царя Ивана в 1695 году оба царя сидели на престоле одновременно, и Иван даже считался «первым царем».

Но вот по отношению к юному императору Остерман был честен, исполнял свои обязанности старательно, и я бы даже осмелился вымолвить: любил воспитанника. Это тоже проявится в свое время при обстоятельствах мрачных и трагических.

И уж учить императора он намеревался всерьез. С немецкой педантичностью расписал Остерман программу занятий, включавшую несколько предметов, и так же педантично вместе с историей, «географией частью по глобусу, частью по ландкарте», занятиями «математическими операциями, арифметикой и геометрией», включил в расписание «учение игре на бильярде» «танцы и концерт», стрельбу в мишень и время, когда государь шел «забавляться ловлею на острове», то есть рыбной ловлей... если кому-то интересно, то конкретно – ловлей осетров.

Принято иронизировать по поводу рыбной ловли и танцев, но ведь должен же был император как-то отдыхать?!

При этом, чем старательнее Остерман хотел учить императора, тем в больший конфликт вступал он с Меншиковым, а потом и с кланом Долгоруких: Меншиков хотя теоретически был сторонником образования, на деле всегда отодвигал занятия науками для «более важных» дел – будь то встреча императора с послами иностранных держав, будь то присутствие его на Верховном совете или попросту попойка... лишь бы попойка была с ним, с Меншиковым и с его людьми.

Для Меншикова занятия с Остерманом были важны в ос-

новном потому, что в результате если император и оставался без пригляда Меншикова – оставался именно с тем, кому Меншиков доверял.

А Долгорукие, если называть вещи своими именами, попросту развращали императора-мальчишку, использовали худшие стороны его натуры. Конечно же, скакать на лошадях, охотиться на зайцев, лисиц и волков, пить вино в буйной компании и лобызать нравственно не стойких девиц – гораздо более увлекательное занятие, чем учить правила арифметики, слушать или читать «вкратце главнейшие случаи прежних времен, перемены, приращения и умаления разных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних...»

По крайней мере, в 12–13 лет большинству мальчишек скакать, стрелять, пить и целоваться покажется интереснее, чем арифметика и география со строго дозированными танцами и рыбной ловлей под надзором Остермана.

Называя вещи своими именами, Остерману приходилось бороться, во-первых, с теми, кто хотел бы использовать императора в своих интересах и для этого отвлекал его от занятий, вовлекал в буйную, нетрезвую и безнравственную жизнь. А во-вторых, с самим императором, который вовсе не всегда так уж рвался учиться.

Если учесть, что император переписывался с Остерманом по-латыни, а с родственниками покойной матери в Германии по-немецки, если он как-то, к изумлению Ивана Долгоруко-

го, стал подсчитывать по сложной формуле водоизмещение шлюпки, в которой они плыли, – приходится признать, что борьбу на оба фронта Остерман выдержал героически и не без результата.

...Но вернемся к тому моменту, когда Меншиков увез к себе на Васильевский остров императора. Почему Меншиков увез к себе, спрятал от всего мира Петра, словно самую дорогую добычу? Только ли потому, что теперь на него обрушились новые почести? Да, действительно, теперь он получил давно желанный чин генералиссимуса и стал полным адмиралом; не было теперь и не могло быть в гвардии и в армии человека, равного ему по чинам.

Всевозможные знаки отличия «светлейший князь» и правда обожал и неустанно жаждал новых почестей. Очень трудно бывает проникнуть в душу закомплексованного человека, так перемешаны, переломаны в ней главное и неважное, принципиальнейшие вещи и совершеннейшие пустяки. Известен случай, когда богатый купец отдал почти все свое состояние за право называться дворянином. Известен случай, когда женщина умерла на операционном столе, причем после вполне удачной операции: узнала, что должен прийти врач, который ей нравился, и кинулась красить губы. Ну, свежие швы и разошлись...

Учитывая многие черты личности «светлейшего», нельзя исключить, что эти цацки имели для него ненормально большое значение.

Необходимость удержаться? Несомненно! Но в том-то и дело, что, помимо новых бирюлек и помимо необходимости удержаться на гребне бешено брыкающегося, несущегося во весь опор случая, было и еще кое-что...

Интересно, что все историки, от С.М. Соловьева до Павленко, почему-то очень решительно говорят о том, что в этот период жизни Александр Меншиков ничего уже больше не хотел, кроме как удержать уже достигнутое... Я же считаю такой вывод принципиально неверным и готов доказать это, опираясь как раз на сочинения самих этих историков. Поразительно, как все-таки действуют даже на очень умных людей какие-то предвзятые установки! Ведь сами же историки – все, решительно все, чьи сочинения об этой эпохе я читал, пишут о желании Меншикова возложить венец Мономаха на своих потомков. И о его стремлении попасть если и не в коронованные особы, то, по крайней мере, в члены августейшей семьи.

А это намерение означало очень большой шаг в карьере «светлейшего князя». Можно как угодно относиться к предрассудкам предков, но, во всяком случае, они очень резко разделяли членов правящих семей – это были особые существа – и весь остальной народ. Даже герцог, князь, граф, которые могли быть лично знакомы с монархом, часто общались с ним, и не только в официальной обстановке, вовсе не были равны монарху или члену его семьи. Для современного человека вся феодальная иерархия, от рядового провинци-

ального дворянина до царя, кажется, скорее всего, ровной, нигде не прерываемой экспонентой, где соседние ранги довольно близки и плавно переходят друг в друга. Но это глубоко неверно!

Во всех европейских феодальных государствах существовало по крайней мере два резких разрыва – такие места на этой экспоненте, где соседние ранги никак не перетекали друг в друга, а различались совершенно категорически. Во-первых, это был разрыв между основной массой дворянства и титулованной знатью. Носитель даже самого низшего титула отличался от рядового дворянина так же... ну, примерно в такой же степени, в какой крупный банкир отличается от уличного торговца окорочками. Только тут-то деньги оказывались совершенно ни при чем, – граф может быть беднее провинциального дворянчика, но это никак не изменит их отношений друг к другу.

И вторая точка разрыва: никакой, самый знатный и богатый князь или герцог не стоит рядом с монархом. Член правящей семьи выше князя не на одну ступеньку феодальной лестницы – он выше на порядок, на огромный кусок общественной лестницы. И какую бы карьеру ни делал Александр Данилович Меншиков, он и близко не находился не только к положению императора Российской империи, но даже к положению герцога Голштинского или герцога Курляндского, независимых монархов-самодержцев.

А светлейший князь планировал подняться именно на эту

ступень, если не сам, то через внуков, которые будут одновременно правнуками царя Петра Алексеевича и внуками его, Меншикова.

В конце концов, «светлейшему князю» всего 50 лет, он может оставаться в силе еще долго. Он будет нужен и юному царю с царицей, и будущему императору, его кровному внуку, Меншикову по матери. Он сможет стоять позади этого трона, стать необходимым, полезнее и важнее всех остальных...

При первом из Романовых, Михаиле, его отец, патриарх Филарет, оказывал на государство такое влияние, что даже монеты печатались от имени как бы двух государей – царя и патриарха, а тронов в Грановитой палате стояло три: для царя, царицы и для патриарха Филарета.

В свое время Борис Годунов насильно постриг в монахи Федора Никитича Романова, боясь его претензий на царский венец... А монах Филарет вырос до патриарха и вот, сел на престол рядом с сыном-царем!

А какие примеры подавали боярин Борис Иванович Морозов (царь Алексей Михайлович женился на Марии Милославской, а боярин Морозов – на ее сестре Анне)! Какой пример подавал офицер солдатского полка, «служилый иноземец» Нарышкин, на дочери которого Алексей Михайлович женился вторым браком!

Правда, отцов обеих своих жен, ни Милославского, ни Нарышкина, Алексей Михайлович особенно не жаловал, и в

большой чести при нем они не были... Но ведь они оба были глупы, а Меншиков-то умен! Умен так, что есть чему поучиться даже Борису Ивановичу Морозову, воспитателю жены царя, а уж он-то в чести у Алексея Михайловича был!

Трудно сказать, какие именно и насколько горячечные мечты осеняют чело Александра свет Даниловича, но, во всяком случае, сделаться чем-то вроде императора он явно хочет. Сделаться не полулегально, ублюдочно, не через постель блудливой солдатской женки, возведенной на престол, а совершенно законно, как отец императрицы и дедушка императора. И долгое время некому, нечему было остановить «полудержавного властелина», когда он, закусив удила, рвется к еще большей власти.

Меншиков так уверен в своей будущности как наперсника императоров, что начинает игру сложную и рискованную: пытается наладить отношения с представителями старинных родов. С Дмитрием Михайловичем Голицыным по крайней мере наружно у них были прекрасные отношения: Д.М. Голицын очень тепло относился к Алексею Петровичу и перенес это на его сына. Как представитель старой знати, он хотел видеть на престоле Петра и уже для этого готов был поддерживать с Меншиковым чуть ли не дружбу.

Одного из Долгоруких Меншиков сделал сенатором; другого – гофмейстером при Наталье Алексеевне, сестре Петра (место значимое и само по себе, и особенно тем, что Наталья имела на Петра очень большое влияние). Приблизили ко

двору даже Ивана Алексеевича (сына гофмейстера), несмотря на то, что он еще недавно был в опале – возражал против брака Петра с Марией Меншиковой.

Очень часто историки называют этот поступок «главной ошибкой Меншикова» – мол, Александр Данилович сам согрел на груди змей-Долгоруких, которые окрепли и закусили его, бедного. Мне трудно согласиться с этой оценкой уже потому, что слово «ошибка» не очень применимо к вынужденным поступкам. Если Меншиков хотел соединиться брачными узами с императорской семьей, он должен был наладить отношения со старинными аристократическими родами. Но, только начав это делать, он оказывался в очень невыигрышной ситуации, потому что аристократия была многочисленна, сплоченна и опытна как в интригах, так и в делах служебных, а Меншиков проигрывал большинству аристократов по всем параметрам и к тому же противостоял им без сплоченной группы «своих».

А не вступать в борьбу он и правда не мог, уже потому, что находился на вершине славы и могущества и просто не мог не защищаться, даже если бы и захотел.

То есть наверняка проблему можно было решить, не бывает безвыходных ситуаций, но для ее решения требовался интеллект и душевные качества, которых не было у Меншикова. Да и отступить от власти или поделить ее с кем-то (что было бы надежнее всего) он не был способен. Впрочем, к этой мысли мы еще вернемся.

Именно в этот период жизни Меншиков садится на трон российских императоров, так сказать, примеряет его. Учитывая пропасть, разделяющую его и царствующих особ, поступок и неумный, и бестактный. Тем более что Петру II тут же становится о нем известно, и забыть о глупости Меншикова ему не дают. По тем временам такая «примерка трона» и впрямь была действием чудовищно неприличным, оскорбительным для династии.

Еще одна ошибка? И да, и нет. Да – потому что поступок и правда дурацкий и не могущий не иметь последствий. Нет – потому что дело ведь вовсе не в желании посидеть на троне, а в гложущем Данилыча маниакальном честолюбии. Вот оно – и впрямь его огромная ошибка! Эта та черта, которая и доведет Меншикова до конца. А все мелкие и крупные глупости, которые он делает при этом – изоляция Петра II, которая неизбежно начнет его тяготить, вопрос времени, примеривание трона, нежелание делиться властью – все это только производные.

Именно из-за этой черты Александра Меншикова его абсолютная власть в Российской империи продолжалась всего четыре месяца – до сентября 1727 года.

Чаще всего дело сводится к тому, что, мол, Александр Данилович заболел, а пока он кашлял кровью и чуть ли не готовился к встрече с Всевышним, Долгорукие успели нашептать юному царю всякие гадости про Меншикова, и он переменялся к своему будущему тестю.

Люди, особенно не любящие немцев, ссылаются еще и на подлую подпольную работенку Андрея Остермана, который, мол, постепенно вбивал клин между Петром II и своим благодетелем Меншиковым. Скажу сразу – «работенка» была. Но состояла она вовсе не в «настраивании» Петра против Александра Даниловича, а просто в разъяснении Петру его полномочий императора, его обязанностей, которые Меншиков не давал ему исполнять, его прав, которыми Меншиков не давал ему воспользоваться. Но ведь в этом, среди всего прочего, и состояли обязанности Андрея Ивановича Остермана как воспитателя и учителя царя... На мой взгляд, его главная «хитрость» и состояла в честном выполнении своего долга. Таким образом, он «предавал» Меншикова? Несомненно! Но если бы Андрей Остерман вел себя иначе – он рано или поздно столкнулся бы с недоуменными вопросами и упреками другого лица – императора. На мой взгляд, Остерман выбрал правильно, в том числе и с точки зрения карьеры.

Кстати, никогда не существовало и тандема «Остерман – Долгорукие». Никогда! Ни малейшего сговора! И более того – Андрей Иванович относился к Долгоруким гораздо лучше, чем они к нему. Он-то для Долгоруких был кто? Худородный выскочка, неприкаянный пришелец из Вестфалии, приживалец, не имеющий никаких прав.

А Иван Долгорукий для Остермана выступает в роли человека, может быть, и недалекого, но не вредного, даже по-

лезного для нравственного воспитания Петра. Есть такая малоизвестная история – когда в августе 1727 года к Петру принесли на подпись смертный приговор, юный царь, не задумываясь, схватил перо – подписать и поскорее отвязаться. И тогда Иван Долгорукий сильно укусил Петра за ухо.

– Ты что?!

– Я хотел тебе показать, как больно будет тому, кому станут отрубать голову...

В конечном счете смертный приговор был подписан, и очень может статься, преступник этого заслуживал, но действия Ивана – пускай не самые изящные – заслужили полное одобрение Остермана. В детях надо воспитывать способность к сочувствию и доброте! А что, читатель, разве он не прав?

И если Остерман считал, что Петру полезнее охотиться в компании Долгоруких, чем сидеть в компании Меншикова, – в этом тоже ведь есть доля правды. Потому что Долгорукие при всех своих не лучших качествах были несравненно менее развращены, чем Меншиков.

Да, кроме того, вовсе не была болезнь Меншикова таким уж колоссальным рубежом... Еще до болезни цех петербургских каменщиков поднес государю 9000 червонцев. Эти деньги император отослал своей любимой сестре Наталье, но посланный им человек столкнулся с Меншиковым в коридоре, и Меншиков велел отнести деньги в свой кабинет со словами: «Император еще очень молод и потому не умеет

распоряжаться деньгами как следует».

Узнав об этом, Петр весьма раздраженным голосом спрашивает, как Меншиков посмел помешать исполнению его приказа?! Сначала Меншиков, по свидетельству очевидцев, совершенно остолбенел, а потом забормотал, что казна истощена, государство очень нуждается в деньгах и что он завтра же представит проект, как лучше использовать эти деньги. На что Петр, топнув ногой, сказал очень недвусмысленно:

– Я тебя научу, что я император и что мне надобно повиноваться.

После чего повернулся спиной и ушел.

И после выздоровления Меншикова повторяется почти такая же сцена: царскому камердинеру дано 300 рублей для мелких расходов императора. Меншиков потребовал отчета у камердинера и, обнаружив, что тот дал

Петру небольшую сумму из этих денег без согласования с Меншиковым, выругал его и прогнал.

Петр поднял страшный шум, велел вернуть камердинера.

Назавтра он потребовал у Меншикова 5000 рублей золотом.

– Зачем?

– Надобно! – следует содержательный ответ.

После чего деньги демонстративно даются царевне

Наталье, родной сестре Петра, – ох, не забыл Петр истории с 9000, которые перехватил Меншиков!

Меншиков, и впрямь вообразив себя императором, велит

забрать деньги у царевны... Петр велит ему убираться с глаз долой, и тут же в ноги к нему валится глубокий старик граф Головкин, умоляя заступиться за его зятя Ягужинского, которого Меншиков ссылает в украинскую армию!

Что сказать? Петр объявил войну и тут же обнаружил, что у него есть союзники! Уже неважно, что Ягужинский все-таки поедет в армию, а Наталья деньги не отдаст, важно, что боевые действия открыты и дали свои результаты.

Конечно, даже сейчас еще неизвестно, кто кого: Меншиков накопил такие силы, что может сцепиться и с императором... особенно если императору 12 лет.

Тем более что Петр и Наталья уезжают в Ропшу и Стрельну охотиться, а Остерман пишет письма примерно такого содержания: «Его императорское величество радуется о счастливом вашей великокняжеской милости прибытии в Ораниенбаум и от сердца желает, чтобы сии гуляния ваше дражайшее здравие совершенно восстановить могло».

А в конце письма Остермана – приписка рукой Петра: «И я при сем вашей светлости и светлейшей княгине, и невесте, и своячине, и тетке, и шурине поклон отдаю любительны. Петр».

Из таких писем легко сделать вывод, что конфликт не очень серьезен, Петр постепенно «приходит в себя», а Остерман «работает на Меншикова».

Но уже 26 августа Меншиков убеждается, что Петр к нему вовсе не расположен, а Остерман попросту его обма-

нул. Петр поворачивается спиной, когда Меншиков с ним заговаривает, не отвечает на его поклоны и так далее. Более того – император откровенно забавляется ситуацией. Ему нравится унижать Меншикова.

– Смотрите, разве я не начинаю вразумлять его?! – обращается Петр к придворным, тыкая пальцем в Меншикова.

На свою невесту Марию он не обращает никакого внимания; Меншиков возмущается такой «неверностью», а когда Петру передают его слова, он отвечает так:

– Разве не довольно того, что я люблю ее в сердце? Ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиков знает, что я не намерен жениться ранее 25 лет».

И вот тут проявляется то своеобразие мышления Меншикова, которое не могло не довести его до беды. В конце концов, ну кто мешал ему кинуться в ноги императору, покаяться, пообещать исправиться, стать хорошим, расторгнуть помолвку с Марией? Наконец, кто мешает ему высказаться с солдатской прямоотой: мол, виноват, государь, бес попутал, более не повторится! Никто и ничто не мешает, но он даже не пытается объясниться, а продолжает лепить глупость на глупости.

3 сентября в Ораниенбауме, имении Меншикова, должно состояться большое торжество – освящение новой церкви. Меншиков готов на колени встать, чтобы Петр приехал на торжество, – тогда можно в очередной раз объяснить разлад неустойчивостью психики юного Петра, а всем придворным

представить дело так, что в главном Петр и Меншиков – единое целое. Петр сначала согласился, а в последний момент не поехал. Возможно, потому, что Меншиков не пригласил Елизавету Петровну, тетку Петра... А ведь Петр влюблен во все не в Машу

Меншикову, а в Елизавету, и Елизавета безобразно с ним кокетничает...

Впрочем, возможна и другая причина непоявления Петра – в том, что он сам понял, или ему помогли понять игру Меншикова, и плясать под его дудку царь не хочет.

Только тут Меншиков начинает искать способа объясниться... Но тут уже Петр не хочет выяснять отношения и попросту смывается на охоту. А его сестра Наталья даже выскакивает в окно, чтобы не встретиться с Меншиковым.

– Я покажу, кто император: я или Меншиков, – несколько раз говорил Петр, свидетелей этой фразы уже сотни.

5 сентября Меншиков полчаса говорит с Остерманом – последний шанс увидеться с Петром один на один! Подробность беседы мы знаем только одну – когда собеседники неосторожно повысили голоса. Меншиков обвинял Остермана в том, что тот отвращал царя от православия и за то будет четвертован. Остерман отвечал в том же духе – что его то четвертовать не за что, а вот он знает человека, который заслуживает четвертования.

А Петр действует так, словно ему не 12, а по крайней мере лет на 10 больше: 6 сентября он приказывает гвардейцам,

чтобы они слушались только его одного, что бы и кто им ни говорил, – только его одного (интересные мысли бывают у маленьких мальчиков... – Л. Б.), а 8 сентября с утра к Меншикову является гвардии генерал-лейтенант Семен Салтыков с объявлением ареста, чтобы он со двора никуда не съезжал. Меншиков падает в обморок. Его жена с сыном и сестрой бросаются на колени перед Петром, Елизаветой, Натальей (никакого внимания), перед Остерманом (он очень торопится на совет). Меншиков пишет покаянное, неприятно холуйское письмо Петру.

Петр на письмо не ответил, велел начинать следствие по делу о государственной измене и хищении казенных средств. Сослали Меншикова в Ораниенбаум, потом в Вятку и наконец 9 апреля 1728 года – в Березов, где Меншиков помер уже в октябре 1729 года, очень быстро.

Отобрали у светлейшего князя 90 тысяч крепостных, 6 городов, имения и деревни в России, Польше, Австрии, Пруссии, 5 миллионов рублей золотом, 9 миллионов рублей в голландских и английских банках. На фоне всего этого даже странно, что Меншиков польстился то на 9000, то на 3000 рублей. Или никак не мог забыть, как торговал пирогами?!

Вот и получается, что царственный подросток смог сделать то, что оказалось «слабо» и для Екатерины, и для Якова Брюса, и для его отца, царевича Алексея, – он сумел победить непобедимого до сих пор Меншикова, свалил «полудержавного властелина». Причем свалил сам, при очень скром-

ной помощи других.

«Петр был упорен в своих желаниях не по летам; мы знаем, как был упорен его отец, но у отца упорство было страдательное, потому что ему воли не было, а у сына была теперь воля: его желания всеми исполнялись, кроме Меншикова» [31. С. 115].

Так что было это, все было: и происки старинных боярских родов, и неумелые попытки Меншикова женить Петра на своей дочери Марии, оскорбившие царя, и еще более глупые действия Меншикова, на глазах Петра II примерявшегося сесть на трон.

Но я совершенно уверен, что дело в служебных ошибках Меншикова, умелом интриганстве Долгоруких или в обидах, вольно или невольно нанесенных Меншиковым внуку Петра I.

Объяснение может быть дано несравненно более простое – настолько примитивный и в то же время самовлюбленный, не по талантам самоуверенный человек просто не мог не «залететь» – вопрос только времени. И сам же Меншиков очень помогал своим врагам делать на него поклепы.

И еще одно...

Петр II, при всей своей молодости, не мог не знать, что Меншиков-то – один из убийц его отца. Другой убийца, П.А. Толстой, уже к тому времени отстранен от двора и умирает в каменной тюрьме Соловков, а вот Данилыч...

Кстати, вот еще информация к размышлению: ведь Тол-

стой... Вернее, Толстые – и Петр Толстой, верный клеветр Петра, и его сын Иван – умирают в каменных мешках Соловков как раз в годы правления Петра Алексеевича. Петр добр – и от природы, и как любой душевно здоровый мальчик двенадцати или тринадцати лет. Но ведь ни малейших потуг извлечь Толстых из монастырской тюрьмы он не делает. Не пытается даже разобраться в «деле» Толстого, шитом белыми нитками.

Меншиков уже не при дворе, он уже сам катит в Березов, некому помешать пересмотреть дело, отменить несправедливое решение, разобраться самому, лично побеседовать с Толстым (кстати, он-то уж немало знает, и надо полагать, поделится известным для избавления от страшной судьбы). Но ни малейшей попытки такого рода Петр не делает. По малолетству? Или знает так много, что Толстых ему несколько не жалко, а в развязанном языке Петра Толстого он несколько не нуждается?

Знал ли Петр сколько-нибудь подробно, какую роль сыграл Меншиков в судьбе его отца? Знал ли, что Александр Данилович Меншиков последовательно интриговал против его бабушки и очень поддерживал Петра в стремлении сослать в монастырь постылую первую жену? Знал ли о том, какие интриги плел Меншиков в 1725–1726 годах, сразу после смерти Петра? Понимал ли, благодаря чему оказался на троне он сам?

Конечно, отравление Петра Меншиковым и Екатериной

– это только не доказанная, хотя и очень логичная версия. Но как знать, а если все-таки преступление было, то очень может статься, Петр II что-то знает и об отравлении своего дедушки? То, о чем мы смутно догадываемся, вполне могло быть хорошо известно современникам. Это, конечно, тот случай, когда и смутной догадки более чем достаточно, но ведь Петра было кому просветить...

Возвращение бабушки

Есть очень разные мнения о том, как относился Петр к своей бабушке, Евдокии Федоровне Лопухиной. По сведениям С.М. Соловьева, был он к ней безразлично прохладен, виделся всего раз, и интерес к бабушке ограничился тем, что император вытребовал у Верховного тайного совета денег на содержание ее двора. И только.

По другим же сведениям, в частности, по отзывам иностранцев, Петр бабушку любил, и судя по всему, она имела огромное влияние на внука.

Заточенная сначала в монастырь в Суздале, потом – в Ладожский Успенский монастырь, в 1725 году Евдокия переведена в Шлиссельбургскую крепость. Любопытно – Меншиков решил перевести Евдокию Лопухину в крепость, то есть усугубил ее положение после смерти Петра. Для чего? Хотел «держать под рукой», чтобы через нее воздействовать на внука? Но ни одной попытки переговорить с Евдокией Фе-

доровной Меншиков не сделал; тем более не было от него никаких предложений делового свойства. И попыток шантажировать Петра Алексеевича изменениями в судьбе бабушки тоже не предпринималось.

Тогда – зачем изменили «форму пресечения» для Лопухиной, перетащили ее в Шлиссельбургскую крепость?! Зачем вообще обратили на нее внимание, заметили, что она есть на свете?! Трудно отделаться от мысли, что Меншиков затевал еще одно преступление, хотел «убрать» еще одного свидетеля и еще одного возможного мстителя.

А вот не успел Петр II Алексеевич стать императором, как тут же бабушку выпустили из заточения, перевели в Москву, в Новодевичий монастырь, и дали ей приличное содержание! 3 июня «инокиню Елену» освобождают, а 26 июня Верховный тайный совет издает именной указ о том, что отзываются царские манифесты 1718 года по делу царевича Алексея, Глебова, Евдокии Лопухиной. Не велено держать эти манифесты в коллегиях и канцеляриях, не велено читать в церквях, а если текст манифеста сохранился у частных людей, то велено сдавать его властям. Напомню, о чем именно идет речь.

В 1718 году в судорожных поисках компромата на царевича Алексея следователи добиваются и до матери страшного преступника Алексея, Евдокии Лопухиной. К радости следователей, за ней обнаружено чудовищное преступление – отправленная в ссылку в 26 лет, она завела милого друга,

майора Глебова. Это не есть измена царю, вообще не прелюбодеяние – Евдокия давно уже не мужняя жена. Но далеко не все решения Петра можно считать решениями вменяемого человека. Пусть Евдокия ему не нужна и в помине, но на его собственность совершенно покушение!

Глебова пытаются раскаленным железом и углями, истязают кнутом, но он не дает следователям новых ниточек заговора. Может быть, он и рад спастись от мук, но сам не знает, кого называть; не понимает, чего от него хотят?! И Глебова сажают на кол под окнами кельи Лопухиной: чтоб видела! А чтобы Глебов не умер чересчур быстро, на него лично Петром, столь любившим вникать в детали, велено надеть шапку и шубу, чтобы жил и мучился. Глебов умирает 18 часов под окнами Лопухиной, постылой царицы и матери постылого царевича Алексея.

Знает ли эту ужасную историю Петр Алексеевич? Не могу допустить, что не знает. А если знает, то давайте не забудем – ведь речь идет о его родной бабушке и о человеке, которого она любила и который вполне мог быть отчимом его отца Петра Алексеевича.

Примем даже версию, что Петр к бабушке был холоден и что Петр и его сестра Наталья стеснялись оболганной бабушки, чувствовали себя неловко в ее присутствии. Но и в этом случае речь шла об их ближайшей родственнице, и к тому же о человеке, с которым очень нехорошо обошлись. Сам по себе отзыв легендарных манифестов доказывает только од-

но: что обвинение было от начала до конца облыжным. А к тому же была Евдокия носителем очень интересных сведений о петровской эпохе... Не случайно же во время первого свидания с ней тут же присутствовала Елизавета, на случай, если старушка будет вспоминать что-то очень уж неофициозное, чего Петру знать никак не полагается.

Одновременно, кстати, отобран устав о наследовании российского престола 1722 года. Тем самым Верховный тайный совет показывал, что Петр II – законный император по праву наследования, а указ о престолонаследии, по которому каждый император должен был назначать себе наследника, потерял силу. Незавидна она, судьба петровских указов!

С легкой руки Алексея Толстого, с его «Петра Первого», полагается считать Евдокию Лопухину чуть ли не клинической душой, а ведь это далеко не соответствует действительности. Лицо Евдокии на всех портретах, может быть, и не отражает колоссального ума и силы духа, но это и не лицо дуры или ничтожества. Есть ее портреты с книгой... а дур с книгами не рисуют! Дуры и в наше-то время не особенно любят читать книги...

Если же о ее душевных качествах... Сохранились любовные письма Евдокии к майору Глебову, очень теплые, заботливые, добрые и показывающие далеко не пустую душу этой, как пишут в брачных объявлениях, «обыкновенной», но совсем не глупой и уж, конечно, вовсе не скверной женщины.

Петр переписывается с бабушкой, а летом 1728 года

встречается с ней в Москве. Встреч было несколько, и мы, конечно же, знаем далеко не все, что было сказано на этих встречах.

На мой взгляд, переписка Петра с Евдокией Федоровной, участие Петра в судьбе бабушки хорошо объясняют, почему подросток Петр II «переиграл» умного, невероятно хитрого интригана Меншикова: он попросту был очень душевно здоров. И в силу этого выдавал реакции, которых никак не мог ожидать от него Меншиков.

Александр свет Данилыч психологически и от Петра II Алексеевича ждал поступков в духе Шафировова или Толстого. А мальчик внезапно оказывался совершенно глух к тому, что считал страшно важным сам Меншиков, но вдруг проявлял интерес к «какой-то там» бабушке... которую, может быть, Меншиков потому и не успел отравить, что возможность интереса к ней Петра ему просто не приходила в голову.

Ко времени встречи в Москве Толстой догнивал на Соловках, Меншиков ехал в Березов. Но ведь и вернуть их было еще не поздно! Но тут трудно сомневаться: свидетельница многих событий Евдокия Федоровна снабжала его такой информацией, что Петр окончательно становился глух к любым словам и обещаниям Данилыча и хотел только законопатить его так, чтобы он уж точно не вернулся. И уж конечно, если и имел намерение вытащить Толстого из каменного мешка, то тут уж точно это желание потерял.

Отказ от наследия дедушки

Историки часто не в силах простить Петру одной-единственной, хотя и, правда, очень хлесткой, фразы: «Не хочу ходить по морям, как дедушка». Мол, вот оно! Вот он, отказ от великих завоеваний деда!

Еще худшее впечатление производит на них, от С.М. Соловьева до составителей современных школьных учебников, перевод двора в Москву. «Интрига Долгоруких! – глубоко-мысленно поднимают палец историки. – Император по малолетству оказался в лапах древней боярской аристократии, консерваторов, которые хотят погубить великие реформы великого Петра!»

Не будем доказывать очевидного, что Долгорукие были кем угодно, только не маниакальными консерваторами, никакими не «реакционерами» и уж во всяком случае далеко не глупцами. Это одна из самых культурных и самых передовых семей тогдашней России. Их влияние на императора было далеко не положительным, но глупо видеть в этом «борьбу старого с новым» или «влияние консервативных бояр».

В сущности, что такого сверхконсервативного совершил Петр II? Перевел двор в Москву? Но ведь и не было никакой необходимости делать столицей именно Петербург. Столицей вполне могла оставаться Москва или сделаться... ну хотя бы Тверь, например, и это не стало бы помехой любым

реформам.

Существовала, конечно, уже наметившаяся политическая «партия Петербурга», которой очень хотелось бы отождествить самое себя со «все́м новым», с «делом Петра Великого» и с дико понимаемой Европой. Уже пошло соревнование «двух столиц», и для этой борьбы придворных группировок было немаловажно, перенесет Петр двор из Петербурга в Москву или нет. Но давайте уж назовем вещи своими именами, не дадим обмануть себя трескучей фразеологией: это именно борьба придворных группировок, а не «прогресса» и «реакции».

Проведение же любых реформ от местопребывания двора не зависит ни в какой степени.

Что еще совершил Петр II? Если не брать множества мелких указов и указиков, он стоит за двумя действительно важными решениями:

1. Во время правления Петра II запрещено было принимать в полки вольницу из боярских людей и из крестьян.

Это решение принято в интересах всего дворянства, всех его слоев и направлено на то, чтобы сделать дворянство более закрытым, запретить «конкуренцию» со стороны «неродовитых» людей.

Не буду пока комментировать это решение, отмечу только – оно было, и в свое время мы к нему еще вернемся.

2. При нем перестали строить крупные корабли и строили только галеры.

К флоту Петр II действительно был совершенно равнодушен, но тут есть два важных обстоятельства... Первое из них состоит в том, что флот в России строить тогда не умели. Я не хочу подробно рассказывать, как Петр I, дедушка нашего героя, уничтожил русский флот XVII века, как велел строить корабли строго голландского образца и какую катастрофу вызвало это решение. Об этом я пишу в другой книге [2].

Скажу только, что стократ разрекламированный как высшее достижение прогресса флот Петра I представлял собой нечто непонятное, сварганенное на скорую руку, без всякого соблюдения технологии. Все флоты, построенные Петром, сколочены в ударно короткие сроки из сырого леса, черт те из чего и представляли собой еле держащиеся на поверхности воды плавучие гробы.

Судьбу Балтийского флота, построенного Петром, проследить удастся неплохо, и скажу честно – очень мрачная это судьба. Потому что этот флот, построенный без соблюдения технологических правил, примитивнейшим образом гнил. Ведь строили корабли крайне поспешно: «давай-давай!», «время не ждет, чтобы к завтраму были!».

В 1715 году из 20 действующих кораблей 16 были куплены за границей, и все планы постройки регулярно не выполнялись. В 1718-м планировалось построить девять 70-пушечных кораблей и двенадцать 66-пушечных, а реально построили всего один 70-пушечный.

Тем более после смерти Петра строительство кораблей

Балтийского флота почти сворачивается. В 1726-м заложен только один 54-пушечный корабль.

При Петре II, в 1727–1730 гг., новых судов вообще не строят.

В конце 1731 г. было 36 линейных, 12 фрегатов, 2 шнявы, но это все на бумаге. На самом деле только 8 судов из этого флота могли ходить в океане и 13 – в Балтике, близ берегов.

Дело в том, что средний возраст службы корабля составлял 5 лет, потом суда вульгарным образом гнили.

В России вообще-то считалось, что флот существует, – ведь гнило же что-то там на рейде, торчали борта и мачты над серой балтийской водою. Но так считалось чисто теоретически, потому что задач, для которых флот действительно необходим, у государства Российского попросту не было. Если же таковые появлялись... В 1741 году флот попросту не смог выйти из гавани навстречу шведскому флоту. В 1742 году не решился выйти из гавани, хотя числом вымпелов шведский флот превосходил.

Если Петр II получал информацию о том, в каком состоянии находится флот, если он понимал, что флот вообще не нужен, что строить его разорительно – правильно ли он поступал? С точки зрения любого государственного человека, поступал он совершенно правильно.

У меня нет сведений, бывал ли Петр Алексеевич на флоте. Но если бывал, если видел плавающие гробы на волнах, общался с полуграмотными запойными офицерами и голодны-

ми, вечно больными матросами, – тогда он действовал правильно не только с точки зрения государственной, но и с точки зрения нравственной, христианской и человеческой.

А второе обстоятельство... Если флот, во-первых, собрание плавучих гробов, а во-вторых, его и строить не нужно, потому что нет для него важных задач, то что же такое вообще флот?! В смысле, флот в Российской империи первой половины XVIII века?! Приходится прийти к невеселому выводу, что этот флот – лишь очередной «символ прогресса», еще один внешний признак «прогрессивной» партии и вывеска «парадиза»-Петербурга. То есть чистейшей воды символ, вроде червленого поля на рыцарском гербе или длины юбки, указывающей, с «порядочной» женщиной вы имеете дело или со служанкой.

Прав ли император, что он не хочет отстаивать герб одной из придворных партий и вообще вставать на сторону ни одной из них? Несомненно! Радеть о флоте для него так же неумно, как оставаться куклой Меншикова, освобождение от зависимостей здесь одинаково важно.

В действиях Петра II Алексеевича я вообще вижу много не по годам разумного. Того, что вообще-то ждешь скорее от несравненно более взрослого человека.

Вообще Петр очень последовательно старался быть вне партий и группировок. По молодости получалось не всегда так уж хорошо, но тенденция сказывается однозначно. Даже Андрей Иванович Остерман, пожалуй, наиболее уважа-

емый им человек, далеко не всегда может его соблазнить, привлечь, подкупить.

На долгие письма Остермана о том, как важно и как «правильно» для императора жить в Петербурге, следуют краткие ответы с пожеланиями крепкого здоровья и многих лет жизни.

К 1729 году, в разгар увлечения Петра охотой в компании Долгоруких, желание отвадить его и от Долгоруких, и от охоты приобретает у Остермана вид подлинной мании. Пия из родников хитрости Долгоруких, он затевает организовать весной 1729 года в окрестностях Москвы лагерь в 12 или 15 тысяч человек, – если уж надо Петру скакать на лошадях и вообще шуметь и много двигаться, то пусть хотя бы получит представление о военном искусстве.

Что характерно, идея возобновить «потешные войны» в духе Петра I у его внука не вызвала ни малейшего интереса.

В это же самое время все тот же Остерман подговорил родственника императора, моряка Лопухина, говорить царю, что, мол, флот исчезает! А все из-за того, что царь так далек от моря. Именно тогда Петр и произнес фразу, так возмущающую «прогрессивных» историков:

– Когда нужда потребует употребить корабли, то я пойду в море; но я не намерен гулять по нему, как дедушка.

Ответ человека, который знает, чего хочет, и не позволяет собой манипулировать даже тем, кого любит.

И не дает, до самого своего конца не дает переманить се-

бя обратно в Петербург. Но такие ли уж дурные вещи стоят за желанием царя жить и дальше в Москве, править там по старине, опираясь на знатных, «фамильных» людей, а не на худородных выскочек?

Если вспомнить, что это за люди, худородные выскочки (с Меншиковым царь очень даже близко познакомился), и что реально стоит за всей трескучей болтовней про «новое» и про «прогресс», то решения царя не огорчают своей реакционностью, а скорее радуют, указуя на его здравомыслие.

Как же так получается – Петр II, выходит, это какой-то гений, более способный даже, чем его гениальный дедушка?! Но, судя по всему, Петр вовсе не обладал какими-то чрезвычайными способностями. То есть, может быть, и обладал, но они не успели проявиться, и мы о них совершенно не знаем. Перед нами – неплохой, неглупый мальчик, но совершенно без всяких признаков того, что называют «искрой Божьей» или гениальностью.

И, тем не менее, именно он, этот самый обычный мальчик, оттаскивает свою страну от края пропасти. Петр был гений, гигант, отец народа... ну и так далее – он «Россию вскинул на дыбы» и загнал в совершеннейший тупик. А его заурядный внук, больше думавший об охоте, начал из этого тупика выходить! Как же так?!

Позволю себе высказать суждение, может быть, и глубоко неверное... но подтверждаемое множеством свидетельств. В любом случае преступник, негодяй, клятвопреступник стоит

не выше, а ниже «обычного» человека. Что бы он ни делал, все равно содеянное им проще, примитивнее, грубее сделанного самым заурядным «средним», но при том хорошим и приличным человеком.

«Средний» человек, как правило, не может изменить последствий того, что сделал гений, – потому что гений делает мир сложнее, совершеннее и тоньше. Ни один «средний» человек не сможет сделать того, чтобы мир начал жить так, как будто не разработаны ни таблица Менделеева, ни концепция биосферы, как будто не написана картина «Переход Суворова через Альпы» и не существует представлений о неотъемлемых правах человека.

Но любой человек может сделать так, чтобы мир стал немного более разумен и хоть немного более добр, то есть сделать так, чтобы хоть немного исправить последствия пиратских набегов, Парижской коммуны, мировых войн и прочих чудовищных явлений.

Разумеется, масштаб содеянного зла так же различен, как и масштаб добра. Но на фоне даже очень большого зла прекрасно заметно даже самое малое добро.

Чтобы загнать страну в тупик, в чрезвычайные обстоятельства – и правда нужны какие-то незаурядные способности ко злу. А вот чтобы начать выходить...

Чтобы завоевать Восток ценой обескровленной Македонии, нужен Александр Македонский. Но чтобы понять – войско устало, еды нет, начались болезни и пора идти назад –

нужен просто умный и ответственный офицер. Чтобы уже над трупом «великого завоевателя» сказать: «Ну что, ребята... Пора домой!»

Чтобы понять – что-то происходит не то в Российской империи и захотеть вернуться в нормальную жизнь, не нужно чрезвычайных талантов. Нужны здравый смысл, немного интуиции и желание этой самой нормальной жизни. Часто важнее быть хорошим человеком, чем иметь колоссальные знания или огромный опыт.

Петр сделал маленький, даже микроскопический шагок в сторону более здоровой, более доброй и разумной России. На фоне безумия и ужаса, экономического развала и гниющего на рейде флота это особенно заметно.

Приватизированный император

Человек, располагающий большим богатством или большой властью, очень часто становится жертвой непорядочных людей. У него есть чем попользоваться, и это привлекает множество любителей набиваться миллиардеру или герцогу в друзья, любовницы или наперсники.

Судьба людей, занимающих в обществе высшие эшелоны, очень часто трагична: пока они могут давать, вокруг полным-полно людей, желающих втереться в доверие, произвести впечатление и что-то получить от богача или монарха. А стоит ему утратить эту способность давать, и человек, кото-

рому только что льстили напропалую, который привык к уважению, любви, даже к обожанию, оказывается один. Очень часто преданный как раз теми, кого он считал самыми близкими.

Если владелец частных богатств или распорядитель богатствами целой страны мал или хотя бы очень молод, всегда находятся (эпитет вставьте сами, по вкусу) желающие воспользоваться этим. Здесь одна из причин, почему зрелище мальчика на троне заставляет всегда больно сжиматься сердце.

В конце концов, император Петр II, каков бы он ни был, – это мальчик 12, 13, под конец жизни – 14 лет. Он трагически одинок – дед и родители в могиле, от бабушки он далек, близкие родственники не вызывают особого доверия, а половина их так вообще в Германии. Со своей немецкой бабушкой он переписывается, но никогда ее так и не увидит. Из всей родни он дружит только с теткой, с Елизаветой, хотя бы с ней ему душевно тепло! Елизавета безобразно кокетничает с полуребенком; перед смертью она будет каяться в этом, обзывать себя «дурой бесчувственной» и другими не самыми лучшими словами. Мол, мальчик был так хорошо, так красиво влюблен, а она... Но Елизавета хотя бы не тербит императора, не требует почестей, чинов или денег, и она искренне предана интересам племянника и хочет ему добра.

Император – мальчик! Подросток! Почти ребенок! У него огромная власть, колоссальные полномочия, он утверждает

смертные приговоры и дарует целые имения. Он свалил и отправил в Березов страшного временщика Меншикова, переехал двор в другой город, решает важнейшие вопросы жизни государства. Но некому погладить его по голове, некому поговорить с ним вечером, у горящего камина, «без мундиров». Некому поинтересоваться, чистая ли на нем рубашка, ел ли он сегодня и не жмут ли ему новые сапоги. Некому поинтересоваться, как ему понравилась новая книжка, а порой попросту рывкнуть: нет, мол, не пойдешь ты охотиться, пока не выучишь уроков!

Наверное, это очень консервативная и очень уж приватная точка зрения, но мальчики этих лет должны учиться в средних классах школы, а не сидеть на престоле! И нет никакой уверенности, что власть и громкий титул способны заменить близких людей.

Может быть, еще и поэтому Петр так легко соглашается с некоторой зависимостью? Для императора сложно и даже несколько унижительно жить в доме Меншикова и под его присмотром... А для мальчика 11 лет? Не перегни сам Меншиков палку, умей он останавливаться, умей сдерживать свои наклонности наполеончика (а еще лучше – не имей он этих наклонностей) – трудно сказать, как бы могли развернуться события. Ведь мальчику так хочется быть для кого-то дорогим, значительным, родным!

Чем берет его Иван Долгорукий, да и весь их клан? Разумеется, тем, что развлекает императора, всегда находит

увлекательное развлечение. Охота, скачка по сжатому полю или по снегу, пальба, веселый шум, лай собак, лицо горит от скачки и от ветра, а вечером – веселый пир, когда мальчик (после целого дня скачки и напряжения без куска хлеба) пьет уже не только вино, но и крепкие напитки, когда много вкусной еды, все плывет и качается, увлекательные беседы о собаках, винах, охотах и женщинах становятся еще увлекательнее и переходят в алкогольный сон...

Конечно же, было и это! Скажем с полной определенностью – и Иван Долгорукий, и весь его клан развращают императора, отвлекают его от учения и от всего, что он должен делать. Потому что они не понимают ценности науки, образования? Или не понимают, что рано или поздно Петру встать у кормила Российской империи, и к этому надо быть готовым? Это совершенно нереальное предположение, потому что Долгорукие входят в число самых интеллигентных, самых культурных семей Российской империи. Они и к Петру I относились без особого уважения, как к не подготовленному царствовать, малокультурному и дикому.

И если они развлекают и развращают цареныша, то исходя из достаточно низких стремлений – любой ценой привязать его к себе. Так дворовая компания мальчишек, а учитывая возраст Долгоруких, скажу жестче – так уличная банда привязывает к себе пацанов. Дома-то строгий отец, который требует ходить за хлебом и учиться, а в подворотне дают бутылку с портвейном и ничего не заставляют делать, а

развлекают увлекательными беседами: кто, с кем, когда и по сколько.

Автор сих строк с уважением относится к аристократии и всерьез принимает ее титулы. В конце концов, если Долгорукие – не князья, то ведь тогда и я – не профессор!

Но скажу с полной определенностью: в этой истории именно Долгорукие ведут себя, как шайка серолицых подонков, заманивающая к себе мальчика из обеспеченной семьи, способного подкидывать им из карманных денег на портвейн, а как раз поповский сын Остерман ведет себя как строгий и разумный отец.

Ах, да! Долгорукие же его любили... Иван Алексеевич Долгорукий был его ближайшим другом! Вообще-то, по моим наблюдениям, 16-летние парни редко любят 12-летних; скорее они склонны их унижать и третировать, утверждаясь в своем сопливом, но превосходстве. Но будем считать – случилось чудо! Иван Долгорукий полюбил Петра II Алексеевича. Полюбил безо всяких причин, вовсе не потому, что Петр в то время уже был императором. И весь клан Долгоруких тоже его страстно полюбил и только поэтому устраивал для него охоты, пьянки и развлечения.

Но давайте до того, как перейти к описанию всяких интересных событий, оговорим одно важное обстоятельство. Может быть, это в моих жилах бушует четвертушечка немецкой крови, и поэтому я такой въедливый. Но давайте четко оговорим: любовь имеет право называться только такое состо-

ание, которое направлено на решение проблем самого любимого человека. То, что для него или на благо ему, – это любовь. То, что мы получаем от него или с его помощью, называется все-таки иначе.

И если взять именно это определение любви, то получится – из всех людей на всей огромной земле Петра любил старый немец, поповский сын Генрих-Андрей Остерман, да, может быть, чуть-чуть тетка Елизавета, старше племянника на 5 лет.

Впрочем, давайте о фактах. Самая грандиозная развлекаловка состоялась осенью 1729 года. В начале сентября Петр в сопровождении чуть ли не всего клана Долгоруких и 620 (!) охотничьих собак выехал из Москвы и вернулся в Москву только в начале ноября.

19 ноября было объявлено, что царь вступает в брак с Екатериной Алексеевной Долгорукой, дочерью князя Алексея Григорьевича и сестрой того самого Ивана, который когда-то кусал его за ухо, – его лучшего друга. 30 ноября состоялось обручение, и 17-летнюю княжну начали называть императорским высочеством.

Еще одна страстная любовь? Любовь 17-летней девочки к 14-летнему мальчику, еще более загадочная, чем дружба 16-летнего и 12-летнего? Долгорукие – кому хватало совести – рассказывали именно об этом.

А развращенные люди, не верящие то ли в любовь, то ли в нарушение законов жизни рода человеческого, рассказывали

иное... Мол, во время одной из самых буйных «охотничьих» попок в октябре 1729 года гостям винище подносили не доступные красотки из крепостных, а дочка хозяина, Екатерина Долгорукая. Мол, с императором они тоже обмолвились несколькими словами, а утром император, проснувшись, обнаружил Екатерину рядом с собой. А вокруг постели сидели и стояли хмурые Долгорукие. Те самые, которые так любили императора, что вот даже довели юную родственницу до греха...

По одной версии, аристократичные Долгорукие, презирующие Остермана и Меншикова за плебейское происхождение, все-таки выставили Екатерину прочь, а потом уже принялись за императора. По другой версии, так они и обрабатывали его, вымогая клятвенное обещание жениться, прямо при Екатерине, натянувшей на голову одеяло. В общем, как раз та сцена, которая должна пробудить у нас, плебеев, сугубое уважение и пресловутую любовь к аристократии.

Император обещал жениться и, вернувшись в Москву, с Екатериной Долгорукой обручился.

Так вот и Долгорукие привязывали к себе юного императора – точно такими же средствами, как и Меншиков, один в один: изоляцией от всего окружающего и женитьбой на своей родственнице. Долгорукие действовали тоньше, они позаботились еще о душевном состоянии, о психологическом комфорте императора. Не заставляли его задаваться вопросом «Кто тут император?!», не дергали, не пытались накла-

дывать лапу на его деньги и развлекали, а не поучали.

Впрочем, и они не нашли ничего умнее, как подsunуть ему постылую, равнодушную к царевичу и старше его. Какое редкое отсутствие фантазии! Какое непростительное для патриархов невежество в области элементарной психологии! Ну неужели в клане Долгоруких не нашлось бы девочки лет 12–13, которая могла бы действительно увлечься императором и которому бы она смогла сильно понравиться?! Не постигаю...

Но в любом случае действия и Меншикова, и Долгоруких принципиально одни и те же – после срама гайдаровских и чубайсовских «реформ» очень велик соблазн назвать эти действия «прихватизацией» императора. И тот, и другие хотят, чтобы император, а тем самым и весь государственный аппарат Российской империи работал на них. Почему же это так важно?!

Гарантии... для кого?

Пожалуй, позицию, по крайней мере, большинства служилого сословия после Петра можно охарактеризовать двумя словами: «Хотели гарантий». И даже еще более четко: «Хотели определенности».

До Петра, в эпоху первых трех Романовых – Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, с 1613 по 1689 год, существовала стабильность: и в обществе,

и в общественном сознании. Грубо говоря, все знали, по каким правилам ведется жизненная игра. Все знали, что делать можно, а чего нельзя и какие поступки будут и как вознаграждаться или наказываться.

Во-первых, существовала традиция, и в основном ей следовали; нарушали традиции очень редко, и если уж очень было нужно.

Во-вторых, существовал письменный закон, и этот закон тоже пусть и не всегда так уж строго, но соблюдался.

В-третьих, существовала царская власть, воспринимавшаяся как власть еще от Бога, и эта власть поддерживала традиции и законы.

В-четвертых, существовали объединения подданных Московии, какие-то общины, корпорации, которые умели помогать своим членам. Человек, который пострадал от бесчестных действий другого, мог ударить челом своему полковнику, губному старосте, старосте слободы, городскому голове, большаку своей общины и знал – за него не могут не вступиться.

Всякий, по отношению к кому были нарушены традиция или закон, мог рассчитывать на защиту и помощь. Были понятны правила игры, и были гарантии. Можно было жить.

Петр разрушил и высмеял традиции, уничтожил всякие остатки корпоративных и гражданских учреждений. «В низу» общества, в низшей городской и особенно крестьянской среде, общины сохранялись, и традиции продолжали играть

огромную роль в жизни. Но служилое сословие оказалось совершенно выбитым из общинности или из традиций.

Прежний закон оказался почти что отменен бумажным творчеством Петра, пресловутыми 20 тысячами указов. Соборное Уложение 1649 года уже не очень соответствовало новым реалиям; постоянно возникали ситуации, никак законодателем не предусмотренные. А указы противоречили и друг другу, и законодательству, их использование только помогало сильному теснить слабого, создавать правовую неопределенность и там, где «надо», – правовой беспредел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.